

DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-3-109-125

Концепция воспитательного протекционизма: перспективы и риски применения в условиях разрушения торговых связей XXI века

А. В. Макаров^{1,2*}, В. В. Остроумов²

¹ Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС, Москва, Россия

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

* andreymakarovh@mail.ru

Аннотация. Среди фундаментальных проблем как экономической теории, так и экономической политики остается вопрос о выборе между защитой принципа свободы торговли и защитой отечественного производства протекционистскими мерами. В этой сфере большой вклад в экономическую теорию внесла альтернативная (как классическому либерализму, так и меркантилизму) концепция воспитательного протекционизма Фридриха Листа. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть возможность реализации основных идей Листа в социально-экономических реалиях XX и XXI веков, в том числе с учетом перспектив универсальной ассоциации, проблемы перманентности ограничительных мер, сложностей регулирования в аграрном секторе и др. Показано, что в XX веке спор классических либералов и меркантилистов в некотором смысле повторился в виде столкновения теорий сторонников либерального «конца истории» (Ф. Фукуяма) и периферийного капитализма (Р. Пребиш, И. Валлерстайн). Ключевые надежды на преодоление протекционистских барьеров долгое время были связаны с ВТО, но показано, что пока эти надежды не оправдались, проанализирован процесс присоединения к этой организации России. Идеи протекционизма стали особенно актуальны в последние годы в связи с международной тенденцией по расширению торговых ограничений, интенсификацией торговых войн, в том числе с Китаем, кризисом ВТО. Фактическая невозможность разрешить споры в рамках ВТО все чаще усиливала региональные торговые объединения. Таким образом, сложившиеся тенденции приводили не только к ослаблению надежд на выгоды свободной торговли, но иногда даже к более радикальным формам протекционизма, чем было предложено в концепции Ф. Листа.

Ключевые слова: воспитательный протекционизм, Фридрих Лист, фритредерство, немецкая историческая школа, периферийный капитализм, ВТО, Фрэнсис Фукуяма, Рауль Пребиш, Иммануил Валлерстайн

Для цитирования: Макаров А. В., Остроумов В. В. Концепция воспитательного протекционизма: перспективы и риски применения в условиях разрушения торговых связей XXI века // Современная конкуренция. 2024. Т. 18. № 3. С. 109–125. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-3-109-125

The Concept of Educational Protectionism: Prospects and Risks of Adoption in the Context of the Destruction of Trade Relations in the 21st Century

A. Makarov^{1,2*}, V. Ostroumov²

¹ *Institute of Applied Economic Research, RANEPA, Moscow, Russia*

² *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

* *andreymakarovh@mail.ru*

Abstract. Among the fundamental problems of both economic policy and economic theory, remains the question of the choice between protecting the principle of free trade and protecting domestic production through protectionist measures. Friedrich List's alternative (both for classical liberalism and mercantilism) concept of educational protectionism made a major contribution to economic theory. Within the framework of this article, it is proposed to consider the possibility of implementing List's main ideas (prospects of universal association, problems of permanent restrictive measures, difficulties of regulation in the agricultural sector) in the socio-economic realities of the 20th and 21st centuries. It was shown that in the 20th century the dispute between classical liberals and mercantilists was in some way repeated in the form of the dispute between the liberal "end of history" theory (F. Fukuyama) and the peripheral capitalism theory (R. Prebisch, I. Wallerstein). It can be concluded that at the present time hopes for the possibility of overcoming protectionist barriers within the WTO have not been justified; the process of Russia's accession to this organization was analyzed. The ideas of protectionism have become especially relevant in recent years due to the international trend of expanding trade restrictions, the intensification of trade wars, including with China, and the WTO crisis. The impossibility of resolving conflicts within the WTO is leading to the strengthening of regional trade associations. Thus, the prevailing trends led not only to weakening hopes for the benefits of free trade, but sometimes even to more radical forms of protectionism than was proposed in the F. List concept.

Keywords: educational protectionism, Friedrich List, free trade, German Historical School, peripheral capitalism, WTO, Francis Fukuyama, Raul Prebisch, Immanuel Wallerstein

For citation: Makarov A., Ostroumov V. The Concept of Educational Protectionism: Prospects and Risks of Adoption in the Context of the Destruction of Trade Relations in the 21st Century. *Sovremennaya konkurentsia*=Journal of Modern Competition, 2024, vol.18, no.3, pp.109-125 (in Russian). DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-3-109-125

Введение

В рамках данной статьи предлагается в новом контексте рассмотреть концепцию воспитательного протекционизма, предложенную немецкой экономической мыслью, в первую очередь Фридрихом Листом в его работе «Национальная система политической экономии» (1841) [1].

В предыдущей публикации авторов в журнале № 2 «Современная конкуренция» за 2024 год (Макаров А. В., Остроумов В. В. Концепция воспитательного протекционизма – историческое значение и вклад в экономическую теорию) концепция Ф. Листа была рассмотрена в историческом контексте, с точки зрения реалий XIX века; было показано, что Ф. Лист предложил некий тре-

тий путь в регулировании внешней торговли, желая избежать как рисков либеральной свободы торговли, так и рисков классического меркантилистского протекционизма. В данной статье предлагается обратиться к идеям Ф. Листа и возможностям их применения в экономической политике (с точки зрения регулирования внешней торговли) уже в более современных социально-экономических реалиях, с учетом усиления протекционистских тенденций XXI века.

В первой части статьи анализируется, в какой мере основные идеи Листа нашли свое отражение в практике внешнеторговой политики XX века, а также в дальнейшем развитии экономической теории. Показано, что спор Листа с либеральными экономистами («школой» в его терминологии) фактически повторился в XX веке в дискуссии о либеральном «конце истории» и проблемах периферийного капитализма, теории периферийного капитализма во многом продолжили аргументацию Листа, хотя и во многом даже в более радикальном варианте.

Во второй части статьи показано, что за последние десятилетия сложились новые тенденции, вновь укрепляющие идеи протекционизма и заставляющие вновь обращаться к рекомендациям теоретиков-протекционистов, в том числе и Ф. Листа. Если еще не так давно существенные надежды могли возлагаться на ВТО, которая могла стать как раз символом универсальной ассоциации и торжества свободной торговли, то современный кризис ВТО и обострение торговых войн вновь заставили вспомнить про протекционистские решения, причем иногда еще более радикальные, чем были предложены Ф. Листом.

Основные тезисы концепции Ф. Листа в контексте дальнейшего развития экономической теории и практики экономической (внешнеторговой) политики

Универсальная ассоциация. Во-первых, стоит напомнить, что Фридрих Лист не от-

вергал принцип свободы торговли в теории, он отвергал его именно в среднесрочной практической реализации, пока интеграция возможна только на уровне национальных государств. В долгосрочном же периоде (хотя возможно и в крайней степени долгосрочном, с точки зрения Листа) он скорее поддерживал идею универсальной ассоциации, отмечая, что логика философии ведет нас к единому человеческому правовому пространству, где совершенно естественно должен установиться и принцип свободы торговли для такого вот единого человечества. В этом смысле Лист отмечал, что классические рецепты фритредерства справедливы, но только для этой пока утопичной универсальной ассоциации.

Еще относительно недавно могло укрепляться мнение о постепенном наступлении «конца истории» в духе работы Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» [2], который будет приводить как раз к формированию универсальной ассоциации на либеральных принципах, в рамках такой ассоциации как раз можно было бы и ожидать триумфа свободной торговли. Такого рода мнение подкреплялось интенсивными интеграционными процессами (расширение ВТО, активное расширение Европейского союза, развитие иных международных ассоциаций) – эти процессы усиливали наднациональные единые рынки и правовые основы их регулирования, что могло означать дальнейшую маргинализацию теории протекционизма.

Ф. Фукуяма, в свою очередь, оговаривал, что «конец истории» не означает завершение любых событий и изменений, но означает фундаментальное завершение выбора магистрального пути для человечества. Он утверждал, что у либеральной демократии нет больше конкурентов (такие альтернативы, как монархия, аристократия, теократия, фашизм или коммунизм потерпели крах), а развитие всех стран станет определяться общими трендами, среди которых наравне с урбанизацией и технологическим

развитием он выделял и свободный рынок. Свобода торговли находила достаточное место в теории «конца истории» Фукуямы. Так, он отмечал, например, что успех Южной Кореи объясняется именно отказом от импортозамещения и протекционизма после 1961 года, а трудности Латинской Америки определялись не только избыточным госсектором (например, в Бразилии государство было активным участником многих рынков, в том числе металлургии, нефтяного сектора, банковского), но во многом меркантилистскими традициями (то есть протекционистскими традициями), унаследованными еще от феодальных институтов Испании и Португалии после периода колонизации. Так, например, протекционизм приводил к тому, что стоимость производства автомобиля в Бразилии, Аргентине, Мексике была на 60–150% выше, чем в США, что делало невозможным повышение экономической эффективности и достижение конкурентоспособности. Фукуяма презрительно относился к теории зависимости в широком смысле, то есть к теории, которая утверждает, что проблемы и кризисы в развивающихся странах возникают из-за их попыток интеграции в мировую экономику и из-за продолжающейся эксплуатации со стороны стран развитых. Он сравнивал эту теорию с меркантилизмом, даже называл в своей знаменитой книге протекционистский опыт Латинской Америки «меркантилистским уродством».

Хотя стоит отметить, что и в книге Фукуямы идея о завершении истории в виде торжества либеральной демократии не постулируется бесспорно. Он указывает, что нет демократии без демократов, без человека демократического, желающего демократии и формирующего ее, при этом и сам такой человек формируется ей. Демократия по Фукуяме означает триумф новой психологии – когда человек требует не признания выше других, а признания наравне с другими (то, что Ницше назвал бы «последним человеком»). Но что, если люди не согласят-

ся быть признанными наравне и это порождает новые кровавые битвы за престиж? Фукуяма вспоминает знаменитого философа Т. Гоббса, который предупреждал, что часто люди «сражаются за ерунду» (из-за соперничества, недоверия, жажды славы), и если такие стимулы возобладают в людях, то это может поставить крест на «конце истории» и на универсальной ассоциации на основе либеральной демократии. Кроме того, Фукуяма разделял либерализм (права человека и рынок) и демократию (механизм выборов), на примере Ирана показывая, что демократия может утверждаться вне либеральных принципов. Хотя о «конце истории» по Фукуяме может свидетельствовать даже не торжество демократии в мире, но тот факт, что все страны вынуждены хотя бы имитировать демократические процедуры, признавая тем самым магистральное направление. Таким образом, концепция Фукуямы, оговаривая возникающие сложности, все же постулировала (пусть и не мгновенное) торжество универсальной ассоциации, неотъемлемой частью которой является и свобода торговли.

Но дальнейшие события, такие как выход Великобритании из Европейского союза в ходе Brexit, разворот США при Д. Трампе в сторону протекционизма, повышение таможенных пошлин и торговые войны, поставили под вопрос дальнейшую интеграцию, а значит, добавили дополнительные аргументы к проведению национальной протекционистской политики. Например, президент Франции Э. Макрон отметил, что необходима стратегическая автономия для ЕС, независимость по так называемым чувствительным поставкам, что предусматривает опять же прямые или косвенные протекционистские меры. Отдельная дискуссия может быть связана с тем, что принцип свободы торговли приводит к негативным аспектам зависимости от иностранных кризисов, таким образом, опора на свободу торговли требует уверенности в бескризисном развитии контрагентов. Например, отмечается,

что Веймарская республика во многом опиралась на свободу торговли и поставки в США промышленных товаров, но Великая депрессия в США подорвала эту модель, в итоге это усугубило немецкий кризис, что привело к трагическим последствиям [3].

Видимо, можно согласиться, что в настоящее время в мире наступает этап глобального протекционизма. Всемирный экономический форум в Давосе 2023 года выделил среди ключевых проблем риски фрагментации мировой экономики из-за усиления протекционистских тенденций.

Другой вопрос заключается в том, можем ли мы ожидать, что этап протекционизма снова сменится эпохой доминирования свободы торговли, как это было уже многократно в истории. Например, до кризиса 2008 года прирост международного товарооборота превышал прирост мирового продукта иногда в 2 раза [4]. Но мировой финансовый кризис смог подорвать прежнюю модель: как отмечала в своей работе Т. В. Колесникова [4], в 2009–2022 годах число протекционистских решений в 4,5 раза превышало число решений по либерализации, хотя такие решения во многом и носили характер субсидирования, а не прямых запретов.

Также стоит отметить, что в отличие от времен Фридриха Листа, когда наиболее экономические развитые страны (в первую очередь Англия) считались главными идеологами свободной торговли и боролись с протекционизмом менее процветающих стран, в XXI веке именно условно наиболее развитые страны (США, ЕС) стали драйверами нового протекционизма. При этом глава Китая Си Цзинпинь, напротив, назвал протекционизм причиной замедления мировой экономики [5].

Идеологические основания протекционизма. Начиная как минимум с Навигационного акта (1651)¹, протекционистские ба-

рьеры могли оправдываться не их экономической эффективностью, но идеологическими и иными соображениями, при этом Ф. Лист подчеркивал, что в таких спорах грань между экономикой и идеологией провести очень сложно. И в настоящее время возникает проблема таких граней. Самый очевидный пример – протекционистские барьеры под предлогом безопасности продукции, ее соответствия техническим регламентам и т.д. Очевидно, что такого рода аргументы легко могут быть использованы в лоббистских усилиях, хотя и нельзя отрицать возможность искреннего беспокойства о безопасности потребителей. В последние десятилетия осложнилась и ситуация с экологическими требованиями: звучат голоса, что забота о так называемом зеленом производстве, о снижении вредных выбросов есть не только и не столько искренняя забота об экологии, но есть способ возведения протекционистских барьеров для развивающихся стран, которые не могут позволить себе сочетание массового производства и соблюдение жестких экологических нормативов стран первого мира, что консервирует разрыв в благосостоянии.

Особую озабоченность в развитых странах традиционно вызывала дешевая продукция Китая, иногда почти 50% протекционистских мер в мире было направлено против него [6]. Сложилась даже специфическая поговорка, что консерватор – это либерал, которого обманула реальность, а неопротекционист – это участник торговых переговоров, которому приходилось иметь дело с Китаем [4]. Политика ряда стран по сдерживанию Китая и его продукции может быть понятна с точки зрения геополитических реалий, однако нельзя не признать, что такая политика вступает в осязаемое противоречие с принципом свободы торговли. Следует отметить, что к протекционизму прибегает и Китай: среди важных протекционистских инструментов в политике Китая выделяют и занижение курса юаня, что

¹ Он предоставил английским кораблям исключительное право ввозить в Англию товары неевропейских стран и производить каботажное плавание.

может быть более эффективной мерой, чем прямое регулирование пошлин.

Гражданские свободы и свобода внешней торговли. Интересен также тезис Листа о том, что свобода внешней торговли не имеет отношения к гражданским свободам общества вообще, более того, в этих свободах имеет место даже противопоставление. Здесь все же не так просто согласиться с Листом. С одной стороны, если мы говорим про простые однородные товары (стандартное продовольствие, сырье и т.д.), то действительно едва ли можно увязывать ограничения внешних поставок и уровень гражданских свобод. С другой стороны, если мы говорим про дифференцированные товары, товары-символы и бренды, то здесь протекционистские ограничения становятся опасными: еще шотландский просветитель Дэвид Юм (1711–1776) отмечал, что разнообразие товаров в рамках свободы торговли крайне важно, потому что приводит в том числе к утончению вкусов. Особенно опасны протекционистские барьеры в сфере культуры, массовой информации, цифровых сервисов, где протекционизм становится прямой угрозой для свобод: ярким негативным примером здесь является цензура интернета или иностранных фильмов в Китае.

В то же время логика Листа об отсутствии связи между свободой «вообще» и свободой внешней торговли парадоксально подтверждается примером гражданской войны в США. Свободолюбивые северные штаты как раз отличались протекционистской политикой, в отличие от практики свободы торговли в рабовладельческих южных штатах, которые специализировались на торговле хлопком. Например, в 1828 году был принят так называемый таможенный «тариф ужасов» или «тариф мерзостей» (пошлины до 45%), но президент Э. Джексон снизил под давлением юга пошлины до 20%. После победы свободолюбивых северных штатов тарифы резко выросли, в сред-

нем с 15 до 37,5%, а переход к свободной торговле произошел только в XX веке [3].

Путь протекционизма – процесс перманентный. Ключевая идея Листа заключалась в том, что воспитательный протекционизм должен быть именно временной политикой, направленной на повышение конкурентоспособности отечественной промышленности, что означает отказ от внешних барьеров при достижении определенного уровня, кроме того, концепция Листа предусматривала свободу торговли внутри страны и упразднение внутренних барьеров. Однако возникает фундаментальная проблема, связанная с тем, что даже временный протекционизм порождает влиятельные группы интересов, которые совершенно не намерены потом терять свое льготное положение и используют его для монополизации рынков, о чем писали еще Р. Гильфердинг [7] и Й. Шумпетер [8]. Показательным примером является и практика ВТО. В рамках ВТО был заложен специальный дифференцированный режим (SDT), предусматривающий льготу для развивающихся стран, однако за прошедшие десятилетия некоторые бывшие развивающиеся страны уже фактически достигли статуса стран развитых, но никто не отказался от своего льготного режима во имя принципа свободной и равной торговли [9].

Особенности аграрного вопроса. Фридрих Лист изначально предусматривал протекционистские ограничения только для промышленной сферы, подчеркивая верность фритредерству для сферы сельхозпроизводства. Но в современном мире для сельского хозяйства как раз протекционистские барьеры становятся выше, чем для другой продукции, особенно с учетом нетарифных ограничений [6]. При этом протекционизм в сфере сельского хозяйства получает все большую общественную поддержку общественного мнения, в частности с точки зрения логики продовольственной безопасности [4], например в Турции

и Южной Кореи пошлины на продукты сельского хозяйства могли достигать 50%. Для молочного рынка в США пошлины могли достигать 126%, в ЕС – 180% [10].

Проблемы сельского хозяйства играли очень существенную роль и в рамках дискуссий членов ВТО. В 2001 году начались переговоры (Доха Раунд или Раунд развития ВТО) о том, как улучшить положение развивающихся стран, которые не могли на равных конкурировать в сфере сельского хозяйства из-за огромных субсидий в развитых странах в этой сфере, и только спустя много лет некоторые меры были приняты [9].

Например, в Китае при вступлении в ВТО проблемы сельского хозяйства становились предметом тщательного анализа. Так, Китаю пришлось снизить пошлины на продукцию сельского хозяйства с 31 до 14%, отменить государственную монополию на импорт продукции. В результате Китай организовал перевод крестьян в легкую промышленность, чтобы не допустить роста безработицы, а также сохранились квоты, например, на кукурузу, хлопок, рис, пшеницу [10].

Таким образом, рекомендации Листа об исключении протекционистской защиты для сельского хозяйства не получают подтверждения в современной практике.

Перспективы периферийного протекционизма. Фридрих Лист подчеркивал, что свободная торговля (в его эпоху) фактически будет означать торжество английской промышленности и консервацию отставания в других странах Европы. В XX веке проблема усугубления неравенства стран получила значительное развитие в дискуссиях, все большую роль начинали играть различные теории периферийного капитализма, среди авторов которых можно выделить таких исследователей, как Рауль Пребиш, Иммануил Валлерстайн, Селсу Фуртаду и др.

В каком-то смысле теории периферийного капитализма выглядят даже более радикально, чем теория воспитательного про-

текционизма. Если воспитательный протекционизм Листа предполагает, что страна может решить проблему отсталости временными защитными методами и стать развитой промышленной державой, то теории периферийного капитализма полагают, что свободная торговля жестко фиксирует неравенство ядра и периферии, извлечение ренты из периферии становится основой благополучия ядра, а значит, периферийная страна в рамках такой системы изначально предназначена для вечного отставания. Важным механизмом становятся ножницы цен – периферийные страны вынуждены продавать сырье и простые изделия по дешевым ценам, а закупать более сложную продукцию из ядра по растущим ценам, при этом страна не может отказаться от дорогого импорта в том числе и потому, что в правящей элите периферийной страны жестко закрепляется мода на товары из ядра, в том числе на определенные товары роскоши (*общество тривиального и показного потребления по Пребишу*).

Здесь уместно вспомнить рассуждения Т. Веблена о том, как средний класс попадает в тотальную зависимость от «праздного» класса, пытаясь подражать его стандартам потребления; примерно такой же процесс происходит с элитами периферийных стран в рамках данной теории, что не позволяет таким странам преодолеть отсталость. И в рамках данного подхода развитые страны (ядра) обвиняются в жестком навязывании свободы торговли, которая приводит к порабощению стран периферии. Можно привести пример того, как коммандор Метью Перри навязал Японии силой открытость и свободную торговлю [3].

Рауль Пребиш [11] отмечал, что центр скорее согласится на завоз мигрантов, чем на либерализацию импорта из периферии, приводя в пример Раунд Кеннеди и Токио – Раунд ГАТТ, в рамках которых либерализация происходила только для такого экспорта, где периферия не была развита (несмотря

на формальную приверженность защите свободной торговли). Он подчеркивал, что классическая экономическая теория страдает излишней претензией на универсальность, признавая, что был очарован ей в молодости. Она не учитывает практику отстающих в экономическом развитии стран, так называемых стран периферийного капитализма. Главными проблемами таких стран он называет утечку мозгов, устаревшие технологии (которые в том числе приносят в них ТНК), вывод прибыли и процента иностранными инвесторами, крайне низкие заработанные платы рабочих, загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов, гигантскую концентрацию населения в городах. К сожалению, мы нередко можем наблюдать последствия периферийного капитализма, перечисленные Пребишем. При этом страны периферии оказываются еще более уязвимы для циклов и спадов. Транснациональные компании, согласно Пребишу, могут быть использованы для наращивания экспорта на периферии, но их влияние может быть и негативным: они усиливают ущерб от подчинения центру.

Пребиш не выступает против рынка и свободной торговли вообще, но подчеркивает, что в условиях периферийного капитализма все намного сложнее: *рынок функционирует хорошо или плохо в зависимости от социальной структуры, в которую он встроен*. Свободный рынок приносит выгоды только обеспеченным привилегированным слоям периферии, усугубляя положение рабочих. Выгоды могут получить только некоторые рабочие, тесно связанные с плодами технического прогресса, например работающие в тех же ТНК. Рабочие и привилегированные слои населения вступают в перманентный конфликт: попытки рабочих сгладить социальное неравенство (с помощью профсоюзов, партий), как правило, приводят к падению демократии, которая противоречит характеру накопления и распределения, создается авторитарный режим. Для

стран периферии складывается чрезмерная экономическая концентрация (ресурсов и богатства, собственности), что не может не приводить к чрезмерной политической концентрации. На периферии складывается имитационный капитализм, имитационная демократизация, не обеспеченная степенью накопления капитала (здесь Пребиш фактически оговаривает, что демократия является следствием развития капитализма и возможна лишь на определенном уровне его развития).

Пребиш дает следующие советы для избавления стран периферии от разрушительной зависимости от свободной торговли со странами центра. Во-первых, его надежда возлагается на общий рынок развивающихся стран (например, Латинской Америки) для повышения эффективности и усиления конкурентоспособности перед странами центра. Это, конечно, очень напоминает советы Фридриха Листа, который выступал даже за отмену пошлин для союза Франции, Австрии, Германии, России [12] против английской продукции. Во-вторых, Пребиш выступает за активное импортозамещение, дополняемое стимулированием экспорта обрабатывающей промышленности. Чтобы снижать зависимость от импорта, возможен путь не протекционизма, а девальвации валюты, но это требует отсутствия роста заработной платы, что будет обострять социальные конфликты. Он выступает против полного обособления от центра, но оговаривает что госпредприятия должны выполнять функцию противодействия прихода иностранных компаний в сферы, где решающее слово должно оставаться за нацией. Пребиш заключает, что либерализм играет огромную роль, но политический и экономический либерализм несовместимы, особенно на периферии и в периоды кризиса, для защиты свободной торговли необходимым условием становится авторитарность государства. Здесь тоже можно увидеть некоторое сходство с позицией Листа о противо-

речиях между свободой торговли и свободами гражданского общества в целом.

Вероятно, еще более радикальную позицию занимал Иммануил Валлерстайн [13, 14], один из основателей мир-системной теории, которую также можно рассматривать как развитие и продолжение идей Листа, хотя Валлерстайн и не ссылаясь прямо на его работы [15]. Он подчеркивает, что существование ядра принципиально невозможно без периферии, ядро существует за счет неравного обмена с периферией. При этом особую роль играют страны полупериферии (Южная Корея, Бразилия, Индия), которые по отношению к другим государствам играют двоякую роль, совмещая и функции ядра, и функции периферии, главная их задача – не провалиться полностью в состояние периферии, именно такие государства наиболее активно применяют протекционистскую политику. Мир-системная теория Валлерстайна приводит к радикальным печальным выводам. Во-первых, звучит идея о том, что мир ядра и периферии в целом может обеспечить экономический рост только для 10–20% жителей планеты, остальной мир вынужден проигрывать в ситуации сложившейся и усиливающейся эксплуатации в рамках свободной торговли. Капитализм называется не торжеством рынка, но постоянной борьбой за монополию, свободная торговля объявляется фундаментальной основой гегемонии. Фактически полемизируя с Фукуямой, Валлерстайн провозглашает невозможность «конца истории», но объявляет о «начале истории» – под натиском усугубляющихся противоречий современный капитализм власти ядра должен рухнуть с учетом возрастающей роли ущемленной периферии.

С другой стороны, такого рода жесткая критика периферийного капитализма не дает ответа на вопрос о возможной альтернативе – преодоление зависимости от ядра может оказаться не менее печальным,

чем сама зависимость. Даже Р. Пребиш потом признал проблемы импортозамещения и чрезмерного протекционизма [15].

Можно выделить и в некотором смысле более умеренных экономистов, которые не настаивали на катастрофичности противопоставления ядра и периферии, но также продолжили дело Листа с точки зрения обозначения негативных эффектов свободной торговли для бедных стран. Так, Эрик Райнерт, автор популярной книги «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными» [16], как когда-то Лист, подверг критике теорию свободной торговли Рикардо, постулируя, что богатство современных развитых стран основано не на истории свободы торговли, но на истории государственного регулирования, протекционизма, стратегического планирования. Как отметил Г. Гловели, благодаря Э. Райнерту произошла переоценка меркантилизма в контексте противоречий современной глобализации [17].

К схожим идеям пришел и Джозеф Стиглиц [18], показывая, что победа глобализации совсем не привела к победе над бедностью в развивающихся странах, торжество свободы торговли приводило к диктату для развивающихся стран с точки зрения открытия рынков, отказа от господдержки сельского хозяйства (ключевая конкурентоспособная сфера), при этом развитые страны продолжали сохранять свои квоты, субсидии фермерам, что, конечно, подрывало надежды на взаимовыгодную кооперацию.

Альтернативной концепцией для модели ядра и периферии стала, например, так называемая модель «гусяного клина», когда страна-последователь постепенно перенимает высокотехнологические методы производства у страны-лидера, получает лицензии и иные возможности, преодолевая отсталость. В принципе так и развивались успешные азиатские страны: в рамках «гусяного клина» технологические производства на

основе западных технологий сначала появились в Японии, потом в Южной Корее, а затем в иных азиатских странах.

Кризис ВТО: от надежд универсальной ассоциации к возрождению протекционистской идеологии и практики

Отдельно предлагается рассмотреть проблему роли Всемирной торговой организации, которая стала одновременно и символом идеи свободной торговли, и символом невозможности решения проблемы протекционистских барьеров.

В истории современной России одна из самых ярких дискуссий о соотношении протекционизма и свободе торговли имела место также при обсуждении проблемы вступления в ВТО. Интересно упомянуть, что в России XXI века как раз в связи с переговорами о вступлении в ВТО вновь зазвучала фамилия Фридриха Листа: в 2005 году глава журнала «Эксперт» Валерий Фадеев инициировал переиздание трудов Листа и поддерживал его протекционистские позиции применительно к развитию экономики России.

Всемирная торговая организация возникла в качестве преемника Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ, 1947), хотя, конечно, соглашение не играло столь фундаментальной роли в устранении протекционистских барьеров. С одной стороны, Всемирная торговая организация действительно стала символом торжества свободной торговли и международной ассоциации: так, если, например, в 1995 году в ВТО состояло 112 стран, то в 2022 году – уже 164 (Россия стала 156-й страной после 18 лет переговоров), фактически все рыночные крупные экономики входят в данную структуру, а значит, (формально) можно говорить о закреплении принципа свободной торговли на международном уровне.

Данную ситуацию, когда почти все значимые страны стали членами ВТО, можно рас-

ценивать двояко. С одной стороны, это можно воспринимать как движение к той самой универсальной ассоциации, о которой писал Лист, но, с другой стороны, такой охват крайне затрудняет переговоры и достижение новых компромиссных решений. Принцип консенсуса, когда в некотором смысле у каждой страны есть право вето, может оказывать губительное воздействие на возможность принять консолидированное решение: вспомним и практику парламента Речи Посполитой, и постоянные проблемы при согласовании решений в рамках ЕС.

С другой стороны, что справедливо практически для любого символа, реальность ВТО может далеко не соответствовать декларируемой цели, в данном случае – цели условного упразднения протекционистских барьеров. Во-первых, хотя общая логика ВТО, безусловно, предусматривает снижение таможенных, протекционистских ограничений, но разные страны вступали в ВТО на разных условиях, в ходе переговоров добиваясь для себя уступок. Кроме того, снижение прямых пошлин нередко оборачивалось усилением нетарифных ограничений [6]. Для более корректного анализа рекомендуется рассматривать не только непосредственно сами пошлины, но, например, Общий индекс ограничений доступа на рынки (Market Access Overall Trade Restrictiveness Index – MA-OTR). Более того, ВТО не способно запретить странам действовать из соображений национальной безопасности, и здесь возникает очень большой соблазн объяснять именно так протекционистские меры, например, когда речь идет о той же продукции Китая.

В рамках ВТО возможны и иные исключения. Например, США могут признать экономику страны нерыночной (как это было с Китаем, Россией, Вьетнамом) и с учетом этого отходить от принципа свободной торговли. Аналогично в ЕС есть практика присвоения статуса страны с существенными искажениями, что также становится

основанием для усиления протекционизма, борьбы с демпингом и т. д.

Вступление России в ВТО сопровождалось существенной критикой как в рамках парламентской дискуссии (вступление поддержали только 238 депутатов из 450, при возражении партий КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), так и с точки зрения позиции бизнеса. Аргументы против вступления в ВТО были традиционными протекционистскими, отмечалось, что снижение таможенных пошлин подорвет перспективы не слишком конкурентной отечественной продукции, в том числе отмечались риски для легкой, пищевой промышленности, лекарств и медицинского оборудования, электроники [10]. Критики отмечали, что вступление России в ВТО объяснялось лоббированием интересов экспортеров, которые на период вступления играли колоссальную роль в экономике страны: так, металлургия, нефтегазовая и горнодобывающая отрасли обеспечивали примерно 80% экспорта, 40% ВВП, 80% бюджета [10]. В этом смысле можно было понять желание еще больше улучшить положение ключевых отраслей; другой вопрос, насколько это могло зафиксировать такую чрезмерную специализацию экономики.

На самом деле условия вступления России в ВТО можно было и не называть радикальным снижением протекционистских барьеров, в том числе с учетом ранее сложившейся либерализации. Так, Россия согласилась в среднем снизить пошлины на сельскохозяйственную продукцию с 13,2 до 10,8%, а на промышленные товары – с 9,5 до 7,3% [19]. Всемирный банк оценивал, что Россия снизит тарифы с 13 до 5,8%, если брать взвешенный средний тариф (для сравнения: в Китае при вступлении в ВТО пошлины на промышленную продукцию должны были упасть с 27 до 7%) [10]. Россия сохранила, например, запрет на работу филиалов иностранных банков, существенные сложности для работы иностран-

ных страховых организаций и т. д. В этом смысле иногда отмечается, что вступление в ВТО во многом можно расценивать как политическое, а не экономическое решение, как символ рыночных реформ и интеграции России в глобальное пространство.

Другое дело, что интеграционный потенциал ВТО в последние годы все чаще вызывает сомнения. США при Д. Трампе объявили торговую войну практически всему миру: ЕС, Китаю, Турции, даже совсем близкой Канаде, увеличив существенно пошлины, в том числе на сталь и алюминий. Эта история во многом продемонстрировала «эффективность» разрешения споров в рамках ВТО. Так, только в декабре 2022 года ВТО признала нарушение со стороны США по протекционистским мерам в отношении китайской продукции, обозначив, что аргумент о защите национальной безопасности не правомерен, так как у страны формально нет серьезного конфликта с Китаем. ВТО признала и незаконность ответных китайских пошлин. Однако представители США заявили, что ВТО не может судить о безопасности страны и подали апелляцию на решение. Принципиальная проблема была связана с тем, что апелляционный орган ВТО в принципе оказался не способен решать любые вопросы с 2019 года. В апелляции осталось число арбитров, которое меньше нижнего порога для принятия решений, США заблокировали десятки попыток начать процедуру отбора. Америка указала на важные проблемы в механизмах разрешения споров (очень долгие сроки рассмотрения, высокая зарплата арбитров) [20], однако вместо решения проблем сложилась ситуация паралича механизма, когда любое решение может быть обжаловано в апелляции, но поскольку апелляции нет, то фактически в рамках ВТО никакое итоговое решение не могло быть принято.

Д. Трамп решительно разорвал и прежние интеграционные процессы. Это коснулось, во-первых, Транстихоокеанского

торгового партнерства. Изначально это было объединение 12 стран во главе с США, которое могло включить государства с долями в 40% в мировом ВВП и 30% в мировой торговле [9]. Соглашение подразумевало отмену пошлин на 18 тыс. товаров, по некоторым оценкам, основные выгоды могли бы получить США и Япония, но в 2017 году Трамп в рамках одного из первых указов вышел из договора, 11 стран-членов в нем остались. Аналогично Дональд Трамп прекратил переговоры с ЕС, которые продолжались с 2013 года о создании Транстихоокеанского торгового и инвестиционного партнерства.

Также Д. Трамп не полностью отменил, но сильно изменил и соглашение США, Канады и Мексики, вместо соглашения НАФТА было заключено новое соглашение USMCA. Соглашение НАФТА было основано в том числе на более ранних соглашениях, официально вступило в силу в 1991 году, предусматривая свободную торговлю, либерализацию инвестиций и иные меры сотрудничества. Фактически соглашение носило во многом мягкий характер интеграции, не было предусмотрено наднациональных органов с реальными полномочиями (хотя и была создана Комиссия по свободной торговле), решения принимались консенсусом трех государств, арбитражные панели для разрешения споров могли выносить рекомендательные решения. Но в рамках общего изоляционистского курса Д. Трамп все равно назвал НАФТА ужасной сделкой и предложил ужесточение принципов интеграции. Ключевые изменения произошли в автомобильной отрасли: во-первых, возросла доля запчастей, которые должны были быть произведены в странах (до 75%); во-вторых, были оговорены требования о минимальной заработной плате рабочих в размере не менее чем 16 долларов в час, что должно было защитить США от дешевой рабочей силы из Мексики [21]. Новые параметры соглашения можно было интерпретировать и как продолжение борьбы

с Китаем, поскольку в новом соглашении не рекомендовалось иметь тесные контакты со странами с нерыночной экономикой.

Другой интересный пример усиления протекционистских тенденций – Индия в рамках ВТО в 2014 году отказывалась ратифицировать Соглашение об упрощении процедур торговли, которое, по некоторым оценкам, могло принести общие выгоды в виде 1 трлн долларов и создать 21 млн рабочих мест [22]. Однако особая позиция одного государства сорвала прежние договоренности, потому что по правилам ВТО требуется ратификация всеми участниками.

Слабость ВТО с точки зрения формирования действительно общей ассоциации свободной торговли привела к формированию многочисленных региональных ассоциаций [23], которые попытались предложить более тесное сотрудничество с более эффективными механизмами достижения компромиссов и разрешения споров (НАФТА (сейчас – USMCA), МЕРКОСУР, Совет сотрудничества Арабских государств Персидского залива, АСЕАН, Южноафриканский таможенный союз и т.д.). Ярким примером намного более тесного сотрудничества стало соглашение СЕТА между Канадой и ЕС, заключенное в 2017 году.

Примером региональной интеграции стал и Таможенный союз, созданный в 2010 году (изначально Россией, Казахстаном, Белоруссией, позже присоединились Армения и Киргизия), союз предусматривал унификацию правил и существенное снижение протекционистских барьеров внутри союза. С 2012 года начала действовать Зона свободной торговли СНГ, в которой даже предусмотрен был механизм разрешения споров через Экономический суд СНГ (или через комиссию экспертов). В 2014 году было объявлено о создании Евразийского экономического союза.

Возникает даже такой термин – регионализация как разновидность глобализационных процессов [23]. Хотя уместно говорить

и о том, что в нестабильном мире регионализация становится не видом, а угрожающей альтернативой глобализации.

Региональные торговые интеграционные процессы также проходят не просто. Во-первых, возможны в том числе и риски противоречий при параллельном использовании разных наднациональных механизмов разрешения споров, например имели место случаи сложностей совмещения принципов НАФТА (USMCA) и ВТО, МЕРКОСУР и ВТО и т. д. Во-вторых, необходимо различать взаимовыгодные зоны свободной торговли и ситуации, когда крупное государство за счет таможенных ассоциаций фактически подчиняет себе экономики небольших соседей. Кроме того, нужно учитывать, что экономическая ассоциация если не предшествует фундаментальной политической ассоциации, то в любом случае подразумевает некоторый базовый политический союз. Так, теоретик рыночной институциональной интеграции Б. Балашша выделял 5 этапов интеграции, и финальным этапом был именно политический союз. Или представитель неофункционализма Эрнст Бернхард Хаас отмечал, что в экономической интеграции ключевой вопрос – это именно формирование особого политического сообщества, где возникает доверие к наднациональным институтам.

Таким образом, не только ВТО, но и региональные ассоциации свободной торговли фактически не могут успешно развиваться без решения проблемы усиления геополитических конфронтаций и отсутствия политического доверия к контрагентам.

Заключение

Вопрос о балансе свободы торговли и протекционистских мер действительно является одним из вечных вопросов экономической теории и практики. Как любой вечный вопрос, он не ожидает скорого и простого ответа, вместе с тем невозможно

и преуменьшать значимость попыток этот вопрос разрешить. В рамках экономической теории важнейшую роль сыграла теория воспитательного протекционизма Ф. Листа, которая остается и сейчас предметом дискуссии для возможности ее практической реализации. В XX веке идеи Листа были продолжены как теоретиками периферийного капитализма (Р. Пребиш, И. Валлерстайн и др.), так и более мягкими критиками глобализации на основе принципа свободной торговли (Э. Райнерт, Дж. Стиглиц и др.).

Фридрих Лист указывал на утопичность идей классиков свободной торговли и на недопустимость признания универсальности их рецептов, в какой-то мере утопией оказалась и концепция воспитательного протекционизма, по крайней мере если воспринимать ее в чистом виде. Так, например, современный опыт показал, что фактически ни одна страна не готова руководствоваться рецептом Листа о свободе торговли в сельском хозяйстве, напротив, продовольственная безопасность становится оправданием даже для более жестких протекционистских мер, отдельный комплекс проблем мы видим в системе квотирования и субсидирования в рамках Европейского союза. Слишком оптимистичной оказалась и теория воспитания Листа, предполагающая отказ от протекционизма после достижения отраслью успехов. Практика показала, что протекционистские меры намного легче начать, чем закончить, успешная отрасль порождает мощные лоббистские группы, нацеленные на бесконечную пролонгацию мер поддержки, что может приводить к монополизации и картелизации экономики. Аналогично и в рамках международных переговоров, в рамках ВТО, страны совсем не намерены отказываться от полученных ранее льгот и уступок, несмотря на достигнутые успешные результаты. Спорным оказывается и тезис Листа об отсутствии связи свободы внешней торговли

и иных свобод, в отдельных случаях доступ к иностранным товарам остается важным способом защиты для граждан от давления национальной бюрократии. Можно также отметить, что в теории Листа отстающие страны должны были использовать протекционистскую защиту против навязывания свободной торговли со стороны наиболее развитых стран, в последнее же время мы, напротив, наблюдали протекционистские войны со стороны США, ЕС. Вполне уместна даже дискуссия о том, что отказ наиболее экономически развитых стран от идеологии свободной торговли связан может быть отчасти связан и с ослаблением идеологии гражданских свобод в целом.

Интересно отметить, что если «первые» социалистические экономисты (К. Маркс, Р. Гильфердинг) во многом критически относились к концепции Фридриха Листа, то социалистическая мысль второй половины XX века отчасти повторила рекомендации Листа, только не в контексте воспитательного протекционизма, но в рамках концепции периферийного капитализма. Сторонники концепции периферийного капитализма в каком-то смысле идут по более радикальному пути. Если Фридрих Лист мог бы сказать, что временный воспитательный протекционизм может приблизить периферию к уровню развития ядра для дальнейшей экономической либерализации, то Р. Пребиш или И. Валлерстайн фактически говорят о невозможности сближения, настаивая, что свободная торговля становится просто инструментом для ядра и связанной с ним элиты по бесконечной и непреодолимой эксплуатации периферии. Но даже признавая условную несправедливость такого распределения богатства, сохраняется фундаментальный вопрос, не станет ли разрыв с ядром еще большим бедствием для условной периферии. Если даже мы соглашаемся с Р. Пребишем, что включение в международную торговлю приносит периферии имитационный капи-

тализм, имитационную демократию и только элитарное благополучие, то остаются надежды на постепенное эволюционное оживление имитационных институтов и повышение равенства в распределении поступлений от международной кооперации, а на что может опираться разрыв с ядром? Некоторые надежды периферии при этом могут быть связаны не с протекционизмом и не с разрывом связей с ядром, но с развитием экспортоориентированных высокотехнологических производств, в том числе на основе технологической кооперации с иностранными компаниями.

Отчасти парадоксальная ситуация складывается с тенденциями развития ВТО. Формально ВТО как раз соответствует мечте классиков (и в каком-то смысле Листа) об универсальной ассоциации: в ВТО вступили практически все значимые экономики мира, что вроде должно было привести к уничтожению барьеров на пути свободной торговли. Однако последние годы мы видим явный кризис ВТО, связанный как с невозможностью достичь компромисса при таком количестве равноправных участников, так и с политикой лидеров ряда стран, в первую очередь Д. Трампа, по возвращению к практике торговых войн. Вероятно, в ближайшее время не следует ждать возрождения ВТО как арбитра и защитника свободной торговли, велики риски дальнейшей фрагментации и регионализации международной торговли и международной политики с учетом интенсификации вызова со стороны глобального юга, о котором (правда, с надеждой) предупреждал И. Валлерстайн.

Таким образом, универсальная ассоциация в «конце истории», которую предполагали классики или Ф. Фукуяма, обозначал как далекую цель Фридрих Лист, становится все более несбыточной мечтой. И в результате можно ожидать, что практика протекционизма будет все больше вытеснять теорию выгод свободной торговли.

Список литературы

1. Лист Ф. Национальная система политической экономии. – М.: Социум, 2020. – 722 с.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2015. – 576 с.
3. Попов Г. Г. Национальное экономическое развитие в условиях глобализации: Фридрих Лист vs классическая школа // Пространство экономики. 2007. Т. 5. № 4. С. 71–85.
4. Колесникова Т. В. Механизмы реализации инструментов протекционизма в государственной экономической политике: дис. ... докт. экон. наук: 5.2.6. – М., 2023. – 426 с.
5. Си Цзиньпин назвал протекционизм причиной замедления роста мировой экономики [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7113979> (дата обращения: 11.01.2024).
6. Кадочников П. А. Протекционизм и либерализация внешней торговли в России и ведущих странах мира // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 3. С. 3–13.
7. Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма. – М.: Государственное издательство, 1922. – 460 с.
8. Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3 т. – СПб.: Экономическая школа, 2004. – 1670 с.
9. Портанский А. П. Императив реформирования ВТО в эпоху роста протекционизма и торговых войн // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 2. С. 304–318. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-12.
10. Логинова А. С. Анализ социально-экономических последствий вступления России в ВТО: монография. – СПб.: Троицкий мост, 2014. – 156 с.
11. Пребиш Р. Периферийный капитализм. Есть ли ему альтернатива. – М.: ИЛА РАН, 1992. – 338 с.
12. Цедилин Л. И. Промышленная политика по Фридриху Листу // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 6. С. 102–110.
13. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.
14. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
15. Гловели Г. Д., Спадерова А. А. Перипетии «воспитательного протекционизма» // ВТЭ. 2019. № 2. С. 62–81. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10205.
16. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2011. – 384 с.
17. Гловели Г. Д. Меркантилизм, мир-системная гегемония и протоанализ национальной конкурентоспособности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 163–194. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-8.
18. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. – 304 с.
19. История отношений России и Всемирной торговой организации [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/15528799> (дата обращения: 11.01.2024).
20. Зубков И. США лишили ВТО возможности разбирать торговые споры [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/12/10/ssha-lishili-vto-vozmozhnosti-razbirat-torgovye-sporu.html> (дата обращения: 11.01.2024).
21. Васильева М. Не тормозит: Мексика продолжит автомобильное сотрудничество с РФ [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1033825/mariia-vasileva/ne-tormozit-meksika-prodolzhit-avtomobilnoe-sotrudnichestvo-s-rf> (дата обращения: 11.01.2024).
22. Индия заблокировала принятие соглашения по упрощению процедур торговли [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1342653> (дата обращения: 11.01.2024).
23. Бельская Е. И. Международно-правовое регулирование зон свободной торговли и механизмов разрешения договорных споров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2018. – 180 с.

Сведения об авторах

Макаров Андрей Владимирович, ORCID 0000-0003-2268-0011, канд. экон. наук, старший научный сотрудник, Институт прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИПЭИ РАНХиГС); старший преподаватель, кафедра экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, andreymakarovh@mail.ru

Остроумов Владимир Владиславович, ORCID 0000-0003-2333-3636, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, vvostroumov@fa.ru

Поддержка исследований

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Статья поступила 01.04.2024, рассмотрена 15.04.2024, принята 30.04.2024

References

1. List F. *Natsional'naya sistema politicheskoi ekonomii* [National system of political economy]. Moscow, Sotsium Publ., 2020, 722 p.
2. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow, AST Publ., 2015, 576 p.
3. Popov G. G. National economic development in globalization environment: Friedrich List vs classical school. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, vol.5, no.4, pp.71-85 (in Russian).
4. Kolesnikova T. V. *Mekhanizmy realizatsii instrumentov proteksionizma v gosudarstvennoi ekonomicheskoi politike. Dis. dokt. ekon. nauk: 5.2.6.* [Mechanisms for implementing protectionism instruments in state economic policy. Dr. econ. sci. dis.: 5.2.6.]. Moscow, 2023, 426 p.
5. *Si Tszin'pin nazval proteksionizm prichinoi zamedleniya rosta mirovoi ekonomiki* [Xi Jinping called protectionism the reason for the slowdown in global economic growth]. TASS. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/7113979> (accessed 11.01.2024).
6. Kadochnikov P. A. Trade liberalization and protectionism in Russia and the world's leading countries. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*=Russian Foreign Economic Journal, 2015, no.3, pp.3-13 (in Russian).
7. Gilferding R. *Finansovyi kapital: Noveishaya faza v razvitii kapitalizma* [Financial capital: The newest phase in the development of capitalism]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922, 460 p.
8. Shumpeter I. *Istoriya ekonomicheskogo analiza: v 3 t.* [History of economic analysis: in 3 vol.]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2004, 1670 p.
9. Portansky A. The imperative of WTO reform in an era of rising protectionism and trade wars. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*=International Organisations Research Journal, 2019, vol.14, no.2, pp.304-318 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-12.
10. Loginova A. S. *Analiz sotsial'no-ekonomicheskikh posledstviy vstupleniya Rossii v VTO: monografiya* [Analysis of socio-economic effects of Russia's WTO accession: monograph]. St. Petersburg, Troitskii most Publ., 2014, 156 p.
11. Prebish R. *Periferiinyi kapitalizm. Est' li emu al'ternativa* [Peripheral capitalism. Is there an alternative to it?]. Moscow, ILA RAN Publ., 1992, 338 p.
12. Tsedilin L. I. The industrial policy according to Friedrich List. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2014, no.6, pp.102-110 (in Russian).

13. Vallerstain I. *Mirosistemnyi analiz: vvedenie* [World-system analysis: introduction]. Moscow, *Territoriya budushchego* Publ., 2006, 248 p.
14. Vallerstain I. *Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical capitalism. Capitalist civilization]. Moscow, *Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK* Publ., 2008, 176 p.
15. Gloveli G. D., Spaderova A. A. Peripetics of "Tutelar Protectionism". *VTE=Issues of Economic Theory*, 2019, no.2, pp.62-81 (in Russian). DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10205.
16. Reinert E. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, *Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshei shkoly ekonomiki* Publ, 2011, 384 p.
17. Gloveli G. D. Mercantilism, world-system hegemony and protoanalysis of national competitiveness. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii=The Journal of the New Economic Association*, 2021, no.3(51), pp.163-194 (in Russian). DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-8.
18. Stiglitz J. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization and its discontents]. Moscow, *Natsional'nyi obshchestvenno-nauchnyi fond* Publ, 2003, 304 p.
19. *Istoriya otnoshenii Rossii i Vsemirnoi torgovoi organizatsii* [History of relations between Russia and the World Trade Organization]. TASS. Available at: <https://tass.ru/info/15528799> (accessed 11.01.2024).
20. Zubkov I. *SShA lishili VTO vozmozhnosti razbirat' torgovye spory* [The United States deprived the WTO of the ability to resolve trade disputes]. *RG*. Available at: <https://rg.ru/2019/12/10/ssha-lishili-vto-vozmozhnosti-razbirat-torgovye-spory.html> (accessed 11.01.2024).
21. Vasilyeva M. *Ne tormozit: Meksika prodolzhit avtomobil'noe sotrudnichestvo s RF* [Not slowing down: Mexico will continue automotive cooperation with the Russian Federation]. *Izvestiya*. Available at: <https://iz.ru/1033825/mariia-vasileva/ne-tormozit-meksika-prodolzhit-avtomobilnoe-sotrudnichestvo-s-rf> (accessed 11.01.2024).
22. *Indiya zablokirovala prinyatie soglasheniya po uproshcheniyu protsedur torgovli* [India blocked the adoption of an agreement on trade facilitation]. TASS. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/1342653> (accessed 11.01.2024).
23. Belskaya E. I. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie zon svobodnoi torgovli i mekhanizmov razresheniya dogovornykh sporov. Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.10* [International legal regulation of free trade zones and mechanisms for resolving contractual disputes. Cand. legal sci. dis.: 12.00.10.]. Moscow, 2018, 180 p.

About the authors

Andrey V. Makarov, ORCID 0000-0003-2268-0011, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Applied Economic Research (IPEI), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Senior Lecturer, Economic Theory Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, andreymakarovh@mail.ru

Vladimir V. Ostroumov, ORCID 0000-0003-2333-3636, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at Economic Theory Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, vvostroumov@fa.ru

Research Support

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Received 01.04.2024, reviewed 15.04.2024, accepted 30.04.2024